

ОЛЕСЯ ГРИГОРЬЕВА

**АННА КОРФ
И СТАРАЯ АПТЕКА**

Олеся Григорьева
Анна Корф и старая аптека

«Автор»

2023

Григорьева О.

Анна Корф и старая аптека / О. Григорьева — «Автор», 2023

Дочь известного писателя и одна из самых богатых невест Санкт-Петербурга Анна Корф приезжает погостить к тетушке в Самару. От скуки Анна начинает изучать историю купеческой семьи, которая в прежние времена владела огромным состоянием. Выясняется, что в добропорядочном семействе хранится много секретов и главный из них – пропавшие сокровища старого купца. Двадцать шесть лет назад основатель династии и самый богатый человек в Самаре незадолго перед смертью перевел весь свой капитал в драгоценные камни. Ларец с сокровищами исчез в день его смерти. Вскоре погибли все те, кто знал о драгоценных камнях. Анна Корф берется выяснить, что же случилось с сокровищами купца.

© Григорьева О., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Что бывает с теми, кто открывает французские кондитерские	5
Глава 2. Чем фармацевт отличается от волшебника	10
Глава 3. Обед в купеческом доме.	14
Глава 4. Что могут рассказать старые аптекарские счета	18
Глава 5. Двадцать шесть лет назад	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Олеся Григорьева

Анна Корф и старая аптека

Глава 1. Что бывает с теми, кто открывает французские кондитерские

Обычно в маленьком купеческом домике Аладьевой утро начиналось спокойно. Все в доме, включая его хозяйку Наталью Николаевну Аладьеву, просыпались рано. Первым делом слуга открывал все окна, что можно было открыть, а в зимнее время выставлял вторые рамы. Хозяйка любила свежесть и чистоту.

Прежде Наталья Николаевна завтракала в одиночестве. Уже много лет она жила вдовой, детей у нее не было. Аладьева любила свою размеренную жизнь, в ней все было просто и приятно.

Однако за последние два месяца в доме Натальи Аладьевой стало тесно. Приехала Анна Корф – родная и любимая племянница. Следом пожаловали новые гости – Луиза и ее муж Якоб Ренц. И хоть ни Луиза, ни Ренц официально не приходились Аладьевой родственниками, им был оказан самый теплый прием. Но этим дело не кончилось: приехала еще одна гостья – Ксения Павловна, родственница по мужу.

Крошечный особняк Аладьевой от такого нашествия затрещал по швам. В передней было тесно, в столовой – тесно, а гостиную и вовсе пришлось отдать под спальню.

В это славное майское утро было особенно заметно, что от прежней безмятежной жизни не осталось и следа. В доме Натальи Аладьевой была невообразимая суета. Анна Корф, племянница хозяйки дома, бегала из комнаты в комнату. За ней, придерживая какие-то ленты, которые следовало пришить к платью, бегала ее горничная. Аладьева что-то кричала из спальни. А Ксения Павловна ругала и торопила горничную. Та в свою очередь ползала на коленях вокруг хозяйки, подшивая слишком длинный подол.

Дом жил, дышал. Все в нем, казалось, находилось в движении.

Наконец, все затихли. Сборы были кончены. Дамы в летних платьях, белых и голубых, уже сидели в столовой. Сегодня обещал быть жаркий день.

– Мама, к чему этот цветок в волосах, – с упреком сказала Аня. – Это лишнее. Мы же не на бал, у нас серьезное дело.

Луиза тотчас потянула крошечный синий цветок из волос.

– Луиза, оставь! – воскликнула Аладьева. – Не слушай ее! Вот глупости. Очень даже к месту.

Луиза в растерянности посмотрела на Аню, но та лишь махнула рукой.

Как только лакей объявил, что экипажи готовы, женщины поспешно направились к выходу.

Луизу усадили в одни дрожки, а остальных – в другие. Экипажи разъехались в разные стороны. Луиза Реверди отправилась на Алексеевскую. В конце этой улицы напротив бакалейной лавки стояла старая аптека, куда и нужно было Луизе. Второй экипаж поехал в другую часть города на открытие французской кондитерской.

Эту кондитерскую открывал племянник Аладьевой – Марк Васильевич Аладьев, сын той самой родственницы, что сейчас сидела с ними в экипаже.

Французская кондитерская показалась Марку превосходной идеей. Он только одному удивлялся: почему никто в Самаре не открыл таковую до него. В это предприятие Марк Ала-

двев вложил не только весь свой скудный капитал, но также занял у всех, у кого смог и взял большой кредит в Государственном банке.

Кондитерская была устроена со столичным шиком. В аренду был взят первый этаж большого каменного дома на Дворянской. Обустройство кондитерской стоило тридцать тысяч рублей, в то время как капитал самого Марка составлял всего три с половиной тысячи. При этом заемных денег он не жалел и покупал только самое лучшее и дорогое. Так за баснословную сумму были куплены два венецианских зеркала, что теперь украшали зал кондитерской. Словом, кондитерская Марка представляла зрелище необыкновенное. Весь город с нетерпением ждал дня открытия.

Ждала его и Анна Корф. В предприятие Марка она вложила десять тысяч рублей и сейчас чувствовала себя причастной к этому большому и торжественному делу. На открытие она ехала с волнением.

«Вдруг никто не придет!», – беспокоилась Аня. – «Марк такой чувствительный, воспримет это как провал. О-хо-хо, лишь бы все получилось. Даже если придет человек двадцать, уже хорошо».

С такими мыслями Аня подъезжала к кондитерской. Однако уже за полверсты она поняла, что зря беспокоилась. В сторону кондитерской отовсюду стекались люди. У всех был праздничный вид, будто они шли на воскресную службу.

Аня вздохнула с облегчением. Она переживала за Марка, к которому успела привязаться и которого успела полюбить. Челок он был, как говорили, нервического склада. Всегда из мухи делал слона и даже самое незначительное и пустое воспринимал как дело жизни и смерти. Было страшно подумать, как он отреагирует, если на открытие никто не явится.

Между тем, несмотря на нервный характер, было в Марке что-то, что заставляло всех любить его и жалеть, даже больше жалеть, чем любить.

Марку Васильевичу было двадцать семь лет. Он редко улыбался, был бледен, тревожен. Однако глаза у Марка были живые, страстные. Барышни сходили по нему с ума, он виделся им принцем в изгнании, много страдавшим и многое перенесшим.

Аня очнулась от своих мыслей. Экипаж остановился, хотя до места они еще не доехали.

– Что же это такое? – спросила Аладьева, которая сидела по правую руку от Ани. – Нет, вы только посмотрите! Откуда столько колясок?

Ксения Павловна наполовину высунулась из экипажа, огляделась и сообщила:

– Батюшки мои! Так это к Марку!

Кучер открыл дверь и сказал, что ехать дальше никак нельзя.

Дамы выбрались из экипажа и с удивлением осмотрелись. Ничего подобного в Самаре прежде не видели. Вся Дворянская была запружена экипажами и людьми. Так как дальше ехать было невозможно, дамы и их кавалеры оставляли пролетки и коляски и шли пешком, сливаясь в реку белых-голубых-желтых-черных шляп.

Чем ближе к кондитерской, тем плотнее становилась толпа. Аня не верила собственным глазам. Положение было настолько странным, что его невозможно было здраво оценить. Аня вместе с Аладьевой и Ксенией Павловной двигались в людском потоке.

В толпе людей Аня увидела, как ей показалась, знакомую фигуру. Сердце забило, кровь прилила к лицу. Она стала вглядываться, вытягивая тоненькую шею. Фигура двигалась не с общим потоком, а гораздо быстрее. Аня заторопилась, ей хотелось догнать человека, окликнуть.

– Анечка, куда ты? Не поспеть за тобой, – с ласковым упреком сказала Ксения Павловна.

Ласка была фальшивой, и Аня сразу это почувствовала. Она холодно посмотрела на Ксению Павловну и снова принялась отыскивать глазами в толпе тот самый силуэт. Однако он скрылся, и найти его уже было невозможно.

«Что со мной? Его тут нет и быть не может. Он в Санкт-Петербурге, я это точно знаю», – убеждала себя Аня.

Тем временем они подошли к кондитерской настолько близко, насколько позволяла толпа. Стало очевидно, что очередь растянулась саженей на двадцать.

– Эдак, мы и до вечера не попадем к Марку! – Аладьева хмурилась и явно не одобряла происходящее.

– Зайдем с черного хода, – предложила Ксения Павловна, которая, напротив, была очень довольна успехом сына.

Легко было сказать: «зайдем с черного хода». Чтобы осуществить это, нужно было выйти на соседнюю улицу, а для этого пришлось пробираться сквозь толпу. Как только выбрались на улицу, что шла параллельно Дворянской, Аня вздохнула с облегчением. Здесь было тихо и спокойно.

Когда они отыскивали старую с облупившейся краской дверь, что вела в подсобные помещения кондитерской, и открыли ее, все трое ахнули от навалившегося на них света, шума и гвалта.

Аккуратно, бочком проходя ящики, полки и очумевших от ужаса работников, Аня дошла до главного зала. Она заглянула и увидела, что творится там нечто страшное. За прилавком стоял Марк и два продавца. Все имели испуганный и растерянный вид.

По другую сторону стойки была настоящая давка. Люди, что стояли в первых рядах, уже были настолько прижаты к прилавку, что казалось еще чуть-чуть и толпа раздавит их. Несколько женщин плакали, один мужчина на высоко поднятых руках держал девочку в праздничном желтом платьице. Девочка не плакала, а смотрела на все широко раскрытыми глазами.

– Сделайте что-нибудь! – кричал Марку пожилой господин.

Но Марк стоял в оцепенении и не двигался.

– Боже мой! – вырвалось у Ани. – Нужно же что-то предпринять!

Но ей было непонятно, что именно предпринять.

Те, кто толпился снаружи, наседали. Они что-то весело выкрикивали и даже не подозревали, что происходит в кондитерской.

Аня увидела женщину, стоявшую напротив Марка. Она смотрела на него с мольбой. Женщина была уже настолько крепко прижата к прилавку, что Аня мысленно представила хруст ее ребер.

И тут раздался оглушительный, пронзительный звон. Кто-то закричал, завизжал, толпа пришла в движение.

Аня не сразу поняла, что случилось. Все происходило будто во сне. Людская масса бурлила, теперь она еще больше сжалась, стараясь отодвинуться от левой стены. Аня увидела мужчину с окровавленным лицом и, наконец, поняла. Толпа, наседая на огромное венецианское зеркало, раздавила его.

В то время как все отступали от левого края, правый прижимали к стене плотнее. И не успела толпа осознать, что же все-таки случилось, как произошло новое несчастье. Аня услышала, как затрещало и уже через секунду второе венецианское зеркало, купленное полторы тысячи рублей за штуку, разлетелось вдребезги, падая на головы, плечи, лица.

Аня рванула к черному ходу, не видя никого и ничего. На улице она оглянулась и ужаснулась тому, какая здесь тишина.

План у нее был такой: найти квартального и с его помощью вывести людей. Но сперва предстояло обогнуть несколько домов и вернуться на Дворянскую. Аня спешила изо всех сил, но каблук ботинок то и дело проваливались в ямки плохо мощенной дороги.

Когда же Аня добралась до Дворянской, то увидела, что квартальный вместе с дворниками из без нее сообразили, что делать. Они пытались вывести людей.

Аня остановилась в сторонке и наблюдала за тем, как потихоньку сквозь узкий живой коридор, который сделали квартальный, дворники и еще несколько мужчин, просачивались люди из кондитерской. У всех были бледные испуганные лица, особенно хорошо это было видно здесь – на улице, залитой радостным весенним солнцем. В самом скверном состоянии находились те, кто выходили последними. У некоторых были окровавлены лица, руки, кровь была на белоснежных манжетах, воротничках и платьях. Одним из последних вышел мужчина с девочкой на руках. Она по-прежнему не плакала, а только смотрела на все с изумлением.

Аня сделала несколько шагов в сторону кондитерской, но что-то остановило ее. Она не могла зайти, казалось, даже воздух там был пропитан болью и страхом, что пережили люди. Стараясь не думать о Марке, Аня медленно пошла в сторону экипажа, который, как ей теперь казалось, они оставили вечность назад.

Аня без труда нашла свой экипаж и приказала кучеру ехать в аптеку к Ренцу. Она понимала, что смалодушничала и бросила Марка, Ксению Павловну и тетку. Но вернуться Аня никак не могла.

Дрожки покачивались на высоких рессорах, и Аня раскачивалась с ними в такт. Она думала о происшествии в кондитерской.

Анна Александровна Корф приехала в Самару несколько месяцев назад и произвела на местное общество самое положительное впечатление. Прежде всего, потому, что она была одной из самых завидных невест Петербурга. И это несмотря на пятно на ее родословной. Однако теперь женихи больше смотрели на размер приданного, а не на происхождение. А с этим у Ани все было в порядке.

Анна Корф была внебрачной дочерью известного писателя Александра Корфа и бедной француженки Луизы Реверди. Сперва Аня жила с матерью, но как только ей исполнилось семь лет, отец забрал ее к себе. Юридическим поводом для этого стал суший пустяк – при рождении Ани были неверно оформлены документы. Так Анна в семь лет оказалась в доме отца и мачехи.

Маленькая Аня росла среди людей необыкновенных. Это были большие личности: гении, знаменитости, богачи. Был среди них даже князь царских кровей, красавец и наследник огромного состояния. Аня же была самой обыкновенной девочкой, ничего в ней не было такого, чем она, хотя бы и тайно, могла гордиться. С раннего детства у нее появилась навязчивая идея – превзойти свое окружение. Неважно в чем, неважно как. Пусть даже в самом пустяке.

Аня усердно трудилась над собой. Много читала, учила языки, занималась математикой, играла на нескольких музыкальных инструментах. Ее старания давали результат хороший, крепкий, но не превосходный. Она страдала от своего положения и каждый раз с отчаянием хваталась за что-то новое.

И вот наступил момент, когда она устала от борьбы, устала от себя и от одних и тех же мыслей. Ей только что исполнилось пятнадцать лет. Аня готова была впасть в отчаяние, но тут она заметила, что дома происходит что-то неладное. Камердинер отца, который служил у него уже добрых шесть лет, стал себя странно вести. Никто кроме Анны этого не заметил.

Аня пыталась намекать на это отцу, но тот лишь отмахивался. Тогда девочка решила действовать сама: следить за камердинером и вывести его на чистую воду.

Как раз в это время в горничные к Анне взяли девочку-ровесницу. Девочку звали Зочка. Они быстро сошлись и уже спустя неделю вместе следили за камердинером. С ним и в самом деле происходили странные вещи. Все шесть лет он был примерным слугой, а тут вдруг стал частенько исчезать из дома. И уж что совсем странно – возвращался пьяным, ругался со слугами и приставал к горничным. Однако перед господином всегда являлся неизменно трезвым и исполнял свою работу прилежно.

Служка в доме мало, что давала. Нужно было узнать, куда камердинер ездит. Но выполнить это Аня никак не могла. Дело не продвигалось, а тем временем приближался момент

развязки. И он наверняка дорого бы обошелся семейству Корфа, если бы однажды Зочка не подслушать важный разговор в людской.

– Да ну-у! Будто ты сможешь! – сказал истопник камердинеру.

– У меня, братец, в этом опыт есть. Не сомневайся! – отвечал ему камердинер. – Только мне помощник нужен. Всего-то и делов – смотреть, чтобы в барский кабинет никто не зашел. А коли кто пойдет, дать мне знак.

– Темное дело предлагаешь. Барина грабить, – тихо сказал истопник.

– Ишь ты, темное! Лучше с утра до вечера спину гнуть? Эх, Матвейка, провернем дело, громадные деньги получим. Ну? Решайся!

И решили они, что на следующий вечер, как только все уедут на бал к графине Разумовской, залезть в сейф хозяина и украсть драгоценности. Как открыть сейф ловкий камердинер уже давно знал.

Зоя рассказала о подслушанном разговоре Ане, Аня – отцу, а он – своему управляющему Евгению Кожухову. Тот организовал засаду, и молодчиков поймали на месте преступления.

Пока Аня занималась расследованием, она чувствовала себя прекрасно. Все это время она только и думала, что о деле. С тех пор ее стало отчаянно привлекать все таинственное. У мачехи пропал красавец котик – Аня отыскала его. Исчезли серебряные ложки – Анна выяснила причину. К кухарке стал захаживать в гости лоточник – Аня узнала, что он имеет жену и четверых сыновей в деревне.

Страсть к разгадыванию тайн стало ее второй натурой.

Глава 2. Чем фармацевт отличается от волшебника

В то самое время как экипаж, в котором ехали Аня, Аладьева и Ксения Павловна, застрял на Дворянской и дамы вышли из него и направились пешком в сторону кондитерской, Луиза вошла в аптеку Ренца.

Сегодня было открытие аптеки. Луиза спешила к мужу, который уехал еще затемно, чтобы последний раз взглянуть всё ли готово.

В аптеке было пусто и прохладно. Луиза увидела спокойное улыбающееся лицо мужа. Он разговаривал с единственной посетительницей.

Луиза остановилась у высокого шкафа, где в красивых склянках были настойки разных цветов. Она прислушалась к разговору.

– Неужели! Вот уж не думал, что тут, в Самаре... Однако! – удивился Ренц на слова старой дамы.

– Да-да, представьте! Алхимией! И говорят, что он-таки это сделал. Превратил камень в золото.

– Вот вам и аптекарь! – снова удивился Ренц.

– Поговаривают, его за это и убили. А формулу украли, – продолжила женщина, которую вдохновил живой интерес Ренца к ее рассказу.

Ренц отвлекся на минуту от разговора и повернулся к Луизе.

– Луиза, милая, пойди сюда. Тут Сура Гершевна интересную историю рассказывает. Ни за что не поверишь! Основатель аптеки, Демид Мартынов, был алхимиком. Каково!

– Кажется, я что-то слышала от Натальи Николаевны, – сказала Луиза.

– А в пристройку ходили? – спросила Сура Гершевна.

– Еще нет. Там очень старый замок, а ключ потерялся, – ответил Ренц. – Вот хочу позвать кузнеца, чтобы снять замок. А что там? Вы знаете?

– Эту пристройку Демид Иванович купил у поручика Кузнецова. Поручик, я вам честно скажу, был картежник и пьяница. Я его хорошо помню. Я, знаете ли, с детства в том доме живу, – Сура Гершевна сделала неопределенное движение рукой, указывая на свой дом, – тот, что напротив.

– Там где бакалейная лавка? – уточнила Луиза.

– Ну да, ну да, – Сура Гершевна тянула слова и особенно отчетливо ставила ударения.

– Что же поручик? – спросил Ренц, возвращая пожилую даму к разговору.

– А? Поручик? Ой, он тут не причем. Он потом очень удачно женился. А вот в этой самой пристройке Мартынов сделал лабораторию. И я вам лично скажу, что видела, как из трубы каждую ночь шел густой серый дым.

– Что же случилось с Демидом Мартыновым? – спросил Ренц.

– Знаете, весь город ждал, что вот-вот Демид Иванович объявит о своем открытии. Только этого не случилось. А вышла такая история: как-то поутру Мартынова нашли с перерезанным горлом в одной сомнительной гостинице. В этой гостинице... не знаю, как сказать... парочки встречались, – прошептала Сура Гершевна.

– Интересный случай, – задумчиво, будто сам себе, сказал Ренц.

– С тех самых пор аптека чахнет без твердой хозяйской руки, – продолжила Сура Гершевна. – Я очень рада, что теперь вы тут хозяин. Буду к вам захаживать.

Ренц проводил посетительницу до дверей и ласково попрощался с ней.

– Заходил еще кто-нибудь? – спросила Луиза.

Ренц улыбнулся своей доброй спокойной улыбкой и поправил синий цветок в волосах жены.

– Заходил хозяин бакалейной лавки. Приятный человек.

– И все?

– Но что же ты хочешь, дорогая. Еще только утро. Все будет хорошо. Люди придут, вот увидишь.

– Не нужно было слушать Аню. Нужно было ехать в Москву, – уже совсем расстроенная сказал Луиза.

– Ну, полно! Лучше помоги мне.

Ренц поцеловал жену в щеку и вернулся за прилавком. Он достал старый выдавший виды поднос. На подносе стояли три баночки. В одной были – белые шарики, в другой – позолота, а третья – пустая. Рядом лежал пинцет.

– Нужно вот так, – сказал Ренц жене, – Берем пинцетом шарик. Аккуратно. Опускаем в позолоту. Вуаля! И затем вот в эту баночку.

Луиза принялась за работу и вскоре за кропотливым занятием забыла о своих опасениях.

Конечно, она не винила Аню в том, что та вовлекла Ренца в историю с этой аптекой. Но все же Луизе эта затея была не по сердцу.

«Ах, и надо было Ане ехать в Самару!» – это было последнее, о чем подумала Луиза, прежде чем полностью погрузилась в свое дело.

Она занималась тем, что позолачивала таблетки. Позолоченные таблетки лучше покупали.

Анна Корф еще в апреле, как только высохли дороги, уехала в гости к своей тетке Наталье Николаевне Аладьевой. Тетка жила в Самаре и уже много лет зазывала Аню в гости. Но та два года путешествовала с отцом по Европе, и вот, вернувшись домой в Санкт-Петербург, вынуждена была почти сразу ехать в Самару. Откладывать поездку к тетке было уже невозможно.

Как ни странно Самара понравилась Анне. Было в этом городе что-то загадочное. Низкие домики с уютными балконами, манера каждому со всяким здороваться, останавливаться и заводить неспешный разговор.

Общество тут было смешанным. Несколько крупных персон, обедневшие дворяне, купцы удачливые и не очень, парочка известных художников – вот, пожалуй, и всё.

И вот как-то раз на обеде у Аладьевой заговорили об аптеке Демида Мартынова. Вспоминали, что когда-то это был центр городской жизни.

Аня, еще не дослушав рассказ, знала: нужно срочно писать Ренцу. Аптека Мартынова со всеми ее темными и загадочными историями была под стать Якобу Ренцу. Так Ренц стал хозяином аптеки в Самаре.

В Санкт-Петербурге Ренц был известным человеком. Однако никто в точности не мог сказать ни какого он происхождения, ни какого рода деятельности, ни откуда прибыл в Россию. Его знали как гипнотизера, врача, экспериментатора и даже волшебника. Он был ласково принят при дворе и даже кого-то там лечил от кори.

Человек он был без сомнения умный, хорошо понимал людей, от того так легко входил в доверие. И все же, несмотря на всю свою таинственность, Якоб Ренц был простым фармацевтом. Он учился в частной фармацевтической школе недалеко от Берлина. Получив диплом, Ренц некоторое время работал в аптеке, и был у хозяина на хорошем счету. Но даже самая большая аптека была мала для Ренца, он мечтал о путешествиях, больших делах, открытиях.

И вот к своим пятидесяти годам Ренц напутешествовался, насмотрелся и вконец устал от кочевой жизни, захотел обзавестись своим углом и своим делом. Пусть скромным, но зато своим. Так все эти многочисленные события привели к тому, что сегодня Якоб открыл аптеку в Самаре.

Аня, после того, как сбежала из кондитерской, направилась напрямиком к Ренцу. Переступив порог аптеки, она почувствовала себя разбитой и больной.

– Анечка, что случилось? – Ренц тут же поспешил ей на встречу. – На тебе лица нет? Ты здорова?

– Якоб Иванович, куда бы сесть. Что-то мне плохо, – слабым голосом ответила Аня.

– Сейчас-сейчас, – Ренц, который всегда действовал спокойно и разумно, вдруг по-стариковски засуетился.

Наконец он вытащил стул из-за прилавка и усадил Аню.

– Воды? – спросил он, все еще находясь в том состоянии, когда человеку непременно нужно что-то делать, пусть даже пустяшное.

– Да, пожалуйста, – ответила Аня. – А где мама?

– Она вот только что уехала, отправилась к вам в кондитерскую.

– Не нужно было. Впрочем... – Аня задумалась.

– Анечка, что же там было? – спросил Ренц.

Аня, которая уже почти пришла в себя в спокойном и безопасном месте, рассказала Ренцу все, что случилось этим утром в кондитерской Марка Аладьева. В ходе всего рассказа Аня сидела на стуле, а Ренц стоял перед ней, ссутулившись и повесив руки вдоль тела. Но как только Аня закончила рассказ, он ободрился, похлопал себя по бокам и уже совсем весело сказал.

– А не выпить ли нам настойки?! Есть у меня одна настойка. Чудо! А? – он подмигнул Ане.

Она только сейчас поняла, что все позади, все закончилось.

Ренц поставил на прилавок тот самый поднос, на котором часом ранее, стояли три баночки, и лежал пинцет. Только сейчас вместо склянок на подносе красовались две миниатюрные рюмочки, красивая бутылка с узким горлышком, блюдце с аккуратно нарезанными тонкими ломтиками лимона.

Ренц, ухватив бутылку своими длинными пальцами за горлышко, разлил красную жидкость по рюмкам.

– Нужно вот так, – сказал он Ане. – Смотри.

Он опрокинул содержимое рюмки себе в рот, следом положил ломтик лимона вместе с цедрой и стал жевать.

– М-м-м, хорошо! – Ренц помотал головой от удовольствия.

Аня продела то же самое.

– А-а! – только и сказала она.

Тут же по всему телу разлилось тепло, а следом пришло спокойствие.

– Ну как? – спросил Ренц.

– Не знаю, – честно призналась Аня.

Но тут же передумала и сказала.

– Вообще-то, хорошо.

Ренц снова ухватился за узкое длинное горлышко бутылки и снова наполнил рюмки.

После второй рюмки, Аня почувствовала, что все происшедшее пустяки и как-нибудь обойдется. Тут она вспомнила фигуру в толпе, за которой пыталась поспеть, однако бросила и эту мысль.

– Знаете, Якоб Иванович, я почему-то ожидала подобного. Плохо так говорить. Да? – спросила Аня.

Но она не дала ответить Ренцу и продолжила:

– У вас сегодня тоже открытие. Но я была уверена, что у вас все будет хорошо. А вот Марк, с его прожекторами..., – она не закончила фразу.

– Думаешь, это случилось по его вине?

– Якоб Иванович, а вы что думаете?

– Марк – неглупый мальчик, – начал Ренц. – Только он совсем не умеет думать наперед. Любит, чтобы быстро. А ведь быстро случаются только плохие вещи. Как по мне. Хорошие же нужно долго холить, возвращать. Мы кладем семя, со временем появляется росток, а то ведь

бывает, что и не появляется. Но, допустим, все-таки появляется. Потом – молодое деревцо. И только спустя несколько лет – хорошее крепкое дерево. Так вот Марк хочет, чтобы у него было сразу хорошее крепкое дерево. Поэтому он распространил так много рекламных листовок и не подумал о том, сколько человек может за раз принять его кондитерская.

Аня слушала внимательно и в душе соглашалась с каждым словом.

– Думаете, не выйдет у него с кондитерской? – спросила она.

Ренц немного помедлил.

– Думаю, нет.

– Что же с ним будет? Он наделал столько долгов. Я-то ему, конечно, прощу! Но другие!

Банк!

– Анечка, наверное, я ошибаюсь. Будем верить в то, что Марк все уладит.

Аня тяжело вздохнула.

– Я хочу тебя кое о чем попросить, – сказал Ренц.

– О чем же?

– Я тебя знаю. Ты такой человек. У Марка не вышло, а вину чувствуешь ты. Так?

– Почему? Я? Нет!

Они помолчали.

– Да, – наконец призналась Аня. – Действительно, чувствую. Не знаю почему. Ведь, я же не виновата?

– Ты, моя дорогая, совсем не виновата. Но Марк так умеет все повернуть, что не пройдет и дня, как ты уже будешь решать его проблемы.

– Я уже, признаться, об этом думала, пока сюда ехала.

– Тогда вот тебе моя просьба: прояви всю свою силу воли и не вмешивайся в дела Марка. Все, что ты могла для него сделать, ты сделала. А теперь отпусти его, дай ему возможность решить все самому.

– Что ж. Я попробую. Знаете, я уже думала Кожухову написать, спросить у него совет.

– Не стоит. Вернее, написать Евгению Евгеньевичу – дело хорошее. Но про Марка не пиши.

Глава 3. Обед в купеческом доме.

Обедали поздно. После того, как Аладьева и Ксения Павловна вернулись из кондитерской, а вернулись они с большим трудом, так как экипаж пропал, обе слегли в постель с головной болью.

К семи вечера, на два часа позже обыкновенного, сели за стол. Были все домашние и еще несколько человек, что всегда или почти всегда являлись к Наталье Николаевне на обед. Одним из них был преподаватель гимназии Николас Бланк. Это был старый человек. Но, несмотря на свой возраст, он все еще держался прямо и живо. Бланк был из тех людей, что постоянно находятся в движении. Он редко брал коляску, а чаще ходил пешком. Много читал, любил долгие прогулки.

С Натальей Аладьевой они прятельствовали уже много лет, с тех самых пор, как умер ее муж.

Сегодня, не изменяя своей привычки, Николас, прошагав пешком две версты, явился к Наталье Николаевне в привычный час. Однако обед задержали, и Николас Бланк стал дожидаться хозяйку в кабинете ее покойного мужа. Бланк любил эту комнату. Весь кабинет был увешан портретами Аладьевых, вплоть до его основателя – самого именитого и богатого самарского купца Степана Гавриловича Аладьева.

Историю семьи Аладьевых Бланк знал хорошо. Более того, он был знаком с самим Степаном Гавриловичем, а его старший брат – Генрих Бланк – был поверенным у Степана Гавриловича и именно он составлял его завещание.

Портрет Степана Аладьева был больше прочих и висел в самом центре стены напротив окна. Со всех сторон он был окружен портретами детей и внуков, а их у него было тридцать семь человек: одиннадцать детей и двадцать шесть внуков.

Лицо у Степана Гавриловича было худое, вытянутое, с длинной курчавой бородой. Умные серьезные глаза, а в них – бесконечная усталость.

Тяжелую жизнь прожил Степан Аладьев, но ни разу Бланк не слышал, чтобы он на что-то жаловался. Ни на то, что барин не хотел его на волю отпускать. Ни на то, что его первый сальный заводик сгорел дотла. Не жаловался, когда умерла первая жена. Не жаловался, когда умерла вторая жена.

Наоборот, чтобы не случилось со Степаном Аладьевым, во всем он видел повод работать еще усерднее. Когда сгорел его маленький завод по топке сала – дело всей его жизни, Степану Гавриловичу было уже за шестьдесят. Всю жизнь он стремился к тому, чтобы построить что-то свое и вот это «свое» сгорело.

Но ни тот человек был Аладьев, чтобы задаваться вопросом: «За что?». Нет, это был человек практичный и мыслил он рационально. Да, завод сгорел. Да, ничего не осталось. Но есть опыт, есть руки.

Степан Гаврилович занял у богатого односельчанина денег, причем сумма была настолько большой, что дать ее могли только человеку действительно честному и уж точно с головой на плечах. С заемными деньгами и с огромной семьей Аладьев отправился в Самару и тут уже построил большое производство. Топил сало и возил его в Москву и Санкт-Петербург, где был большой спрос.

Аладьев выплатил долг за три года. И скоро стал самым богатым человеком в Самаре.

Бланк все еще разглядывал портрет основателя династии, когда в кабинет вошла Наталья Аладьева.

– А я вас звать пришла, – сказала она. – Пойдемте обедать. Уж, простите, что задержали сегодня. Слышали, наверное, что произошло в кондитерской у Марка?

– Слышал. Как же не слышать?! Весь город говорит. Думаю, привирают порядочно.

- Ох, как бы ни наоборот. Ужас, что вышло!
- Но ведь никто не погиб? – спросил Бланк.
- Что? Ах, господи! Нет! Все живы. Но натерпелись, говорю вам.

Прошли в столовую. Там тоже все разговоры велись только о том, что произошло в кондитерской. Жалели Марка и уже делали предположения, как бы ему помочь. Самого Марка за столом не было. Его не видели с самого утра. Как только он закрыл кондитерскую, тотчас куда-то исчез. Ждали его к обеду, но он не явился.

Одна лишь Аня не участвовала в разговоре о том, что же следует предпринять и как теперь спасти Марка. Она сидела, надувшись, и молчала весь вечер.

«Дудки! Я на это больше не куплюсь, – думала Аня. – Всегда одна и та же история. Ах, бедный Марк. Ах, бедный Марк. А что в нем такого бедного? Собрал чужие деньги и потерял их. Теперь уже не сомневаюсь, что потерял».

– Анечка, ты чего такая кислая? – спросила Аладьева.

– Я? Ничего. Просто думаю.

– О чем же? Или это секрет?

– Почему же секрет? Вот, пожалуйста. Думаю, о том, как Степану Гавриловичу Адальеву, крепостному крестьянину, удалось такое огромное дело построить? Вот Марку и кредит дали, и мы ему все заняли без всяких процентов, а вот не выйдет у него ничего. Вы меня, Ксения Павловна, извините, – Аня посмотрела на мать Марка. – Но ничего у него не выйдет. В кондитерскую после такого никто не пойдет. Люди тут суеверные, боязливые. Теперь хоть бесплатно раздавай пирожные – не пойдут.

Ксения Павловна слушала Аню, подняв брови, и всем своим видом показывала, что та говорит чепуху.

Все молчали. Наконец, чтобы спасти положение, заговорила Аладьева.

– Таких людей как Степан Аладьев – единицы. Как ему удалось? Да, бог его знает? Знаю, он был упрям, настойчив. Бывает такая порода людей: ничем их не сломить. Он умел рисковать, но продумывал все тщательно. Ведь, он на чем разбогател? На том, что топленое сало решил возить в столицу. Потому что там цена была выше, намного выше. Если бы он принялся продавать свой товар здесь, то ничего бы у него получилось. Сводил бы концы с концами, как другие.

– А от чего другие не возили товар в Москву и Петербург? – спросила Аня.

– От того, что страшно, – ответил Николас Бланк. – Это несколько недель пути. Всякое может случиться в дороге.

– Это верно, – подтвердила Наталья Аладьева, – не возили, потому что боялись. А Степан Гаврилович посчитал, что даже, если будут потери, все равно выгоднее возить. Там спрос, там деньги. Если возить товар в столицу, то на каждый вложенный рубль выходил почти рубль плюсом, а если бы он здесь продавал, то на рубль выходило бы от силы копеек пятнадцать.

– Я слышала, что он был самым богатым купцом в Самаре. Правда? – спросила Аня.

– Правда, – со вздохом ответила Наталья Аладьева.

– А что же стало с его состоянием? – поинтересовалась Аня, которая знала, что денег у наследников Аладьева уже давно не было.

– Как тебе сказать... – принялась было пояснять тетка, но задумалась.

Ксения Павловна при этих словах тоже тяжело вздохнула.

– С наследством вышла странная история, – начала Наталья Аладьева. – Перед смертью Степан Гаврилович на все деньги купил редкие украшения и драгоценные камни. И все угрожал своей родне, что если они не начнут заниматься делом, то он отдаст сокровища в государственную казну. Свое обещание он не выполнил, драгоценностей не отдал. Но и семья их не получила.

– Кому же они достались? – спросила Аня.

– Сокровища исчезли, – ответила Аладьева. – Сколько не искали их дети и внуки, но так ничего не нашли.

– А что же с заводом? Почему завод перестал работать? Ведь вы сами говорили, это было крепкое дело, доходное, – продолжала расспрашивать Аня.

Тетка лишь махнула рукой.

– Не нашлось дельного человека.

– А ведь какой большой завод был, сколько людей от него кормилось, – сказал Николас Бланк. – И сколько Степан Гаврилович благодаря этому заводу сделал для города. Прекрасную больницу построил, две школы, церковь. Да, большой был человек.

На этих словах разговор об основателе династии Аладьевых был окончен. О Марке тоже никто не вспоминал.

После обеда Анна ушла в свою комнату. Она хотела написать письмо. С самого утра, когда Аня в толпе увидела знакомый силуэт, странная мысль прилепилась к ней: «нужно написать Кожухову».

«Но что писать? – думала она, сидя за письменным столом перед открытым окном. – Про Марка? Не стоит. Про аптеку Ренца? Но что про нее писать?»

Аня смотрела на чистый лист бумаги, и ни одно слово не приходило ей в голову.

Евгений Евгеньевич Кожухов был для Ани человеком важным. В том смысле важным, что все ее издательские и финансовые дела шли через него. Именно он решал, когда и что издавать и издавать ли вообще.

Отец Анны Корф был известным в России писателем, его много и охотно печатали, романы хорошо расходились и приносили деньги. Несколько лет назад Александр Корф передал дочери свои неизданные произведения. Так что теперь Аня распоряжалась наследием отца. Она потихонечку входила в издательские дела и сама немного писала. Словом, продолжала дело отца. Помогал ей в этом Евгений Евгеньевич Кожухов – человек, который управлял делами Корфа и управлял настолько хорошо, что без него Корф не стал бы ни известным, ни богатым.

Обычно с Кожуховым они переписывались об издательских делах: когда выйдет книга, что печатать дальше и тому подобное. Но сегодня Ане хотелось написать ему ни о делах, а о том, что происходило здесь – в Самаре. Поделиться наблюдениями, мыслями. Ей хотелось поговорить с ним.

Но лист бумаги по-прежнему был чист. Аня отложила перо, подперла щеки руками и стала смотреть в окно. Уже был вечер, темнело. Шумела листва, и пахло так, как пахнет только поздней весной. Все запахи вдруг становятся стократ сильнее и сливаются во что-то единое, от чего сосет под ложечкой, а на душе одновременно радостно и тревожно. И тогда человек начинает ждать: вот-вот что-то случится. Именно это чувство весь день одолевало Аню.

«Здравствуй, Евгений Евгеньевич, – Аня начала свой рассказ мысленно. – Наверное, ты как всегда очень занят. Ну что ж ... А я тут бездельничаю. Ничего не пишу и даже не читаю. Стыдно. Но в свое оправдание могу сказать, что всему виной Самара. Тут такое течение жизни. Все медленно, не спеша. Верить или нет, но мы обедаем почти три часа. Тебе здесь не понравится. А мне, пожалуй, даже хорошо».

Аня отодвинула занавеску, теперь весенний воздух попадал в комнату без всяких препятствий.

– Хорошо! – повторила она вслух.

«Если бы ты приехал, я бы познакомила тебя с чудесными людьми. Вот хотя бы учитель Николас Бланк. Или Марк Аладьев, племянник Натальи Николаевны. Он милый. Мне он нравится, хотя сегодня я весь день на него злюсь. Ксения Павловна – его мать – тебе не понравится. Признаться, мне она тоже не нравится. Хотя, быть может, я к ней несправедлива».

У Натальи Николаевны очень уютный дом. Он выходит окнами на самую зеленую и красивую улицу в городе. А прямо под моим окном – сирень. От нее такой аромат, что у меня кружится голова и болит тут».

Аня положила руку на солнечное сплетение, как будто показывая невидимому собеседнику, где у нее болит.

«Было бы хорошо, если бы ты приехал нас навестить».

В этот момент в дверь постучали и тут же ее открыли.

– Зоя! Опять ты так!

– А? Что? – горничная Зюлька с удивлением посмотрела на Аню.

– Стучишь и не дожидаясь ответа. Для чего, по-твоему, стучать нужно?

Зюлька не ответила, а только улыбнулась.

– Ладно. Выкладывай. Вижу, ты с новостями прибежала.

– Ага.

– И?

– Марк Васильевич приехал, – шепотом сказала Зюлька. – Хмурый.

Аня посмотрела на лист бумаги, что остался не тронутым.

– Что ж, пойдём, посмотрим на Марка Васильевича, – сказала Аня и встала из-за стола.

Глава 4. Что могут рассказать старые аптекарские счета

На следующий день сразу после завтрака Анна отправилась в аптеку. Ей не хотелось оставаться дома с Ксенией Павловной и весь день слушать, как она причитает о Марке. Ехать в кондитерскую к Марку тоже не хотелось, вчера вечером у них вышел довольно сухой разговор. Впервые между ними как будто что-то встало. Что именно произошло, Аня не знала, но чувствовала себя так, как будто ей за шиворот попала холодная вода.

Ане было неловко от того, что она снова сбегает от тетки. Но она убедила, прежде всего, саму себя, что нужно помочь Ренцу в аптеке.

Приемный зал аптеки представлял собой просторную светлую комнату. Возле огромного окна стояли два кожаных кресла и кофейный столик. Здесь посетители должны были ждать, пока будет готов рецепт. В глубине зала – витрина и массивный прилавок из красного дерева. Они отделяли приемную от рецептурной комнаты. Рецептурная комната являла собой необыкновенное зрелище. Она вся была уставлена высокими шкафами с миллионом ящичков и полками из такого же красного дерева, что и прилавок. Там же были два высоких стола, на них готовились рецепты. Но, пожалуй, самым впечатляющим, из того, что могли видеть посетители, был шкаф со стеклянными дверцами. В нем аккуратными рядами, прижимаясь друг к другу, стояли склянки из цветного стекла.

Когда-то давно аптека принадлежала известному в Самаре химику и фармацевту Демиду Ивановичу Мартынову. Аптека пользовалась доброй репутацией. В ней можно было найти самые новейшие лекарства, о которых даже в столице еще не слыхивали.

В Самаре Мартынова знали не только как аптекаря, но также как экспериментатора и алхимика. Он был неординарной личностью. Самые разные слухи гуляли о нем по городу: часть из них были лестными, а часть – совершенно неприглядными.

Демид Мартынов родился в Самаре. В двенадцать лет, после нескольких классов гимназии, он был устроен мальчиком на посылках при аптеке в городе. Жизнь его и до того момента была несладкой, но в аптеке она превратилась в кошмар. Хозяин аптеки Галах был человеком никудышным: дела вел из рук вон плохо, часто сидел без гроша, отпускал поддельный и некачественный товар, за что часто сносил оскорбления и даже побои от своих покупателей. Все полученные обиды он с удовольствием истинного садиста вымещал на мальчике.

Он бил Демида нещадно за любую провинность и бил так сильно, что у того по несколько дней кружилась голова и ломило все тело. Мальчик жил впроголодь и спал на старом матрасе в сених, где его каждую ночь грызли насекомые. И все-таки Демид был человеком жизнелюбивым. Ночью он лежал на своем грязном матрасе и мечтал, что однажды разбогатеет.

Шли годы. Мальчик рос. К пятнадцати годам он сделался выше и крепче Галаха, так что тот стал его побаиваться и прекратил рукоприкладство. Галах даже помышлял избавиться от Мартынова, но тот был так расторопен и приветлив, что Галах все-таки решил оставить его при себе. К семнадцати годам Демид Мартынов превратился в красавца. Он был высок и широк в плечах, светлые вьющиеся волосы, здоровый молодой румянец – вот портрет молодого Мартынова.

Галах заметил, что у Мартынова товар покупают охотнее и стал чаще ставить его за прилавок. Действительно, дела в аптеке пошли гораздо лучше.

Среди прочих в аптеку за мылом и парфюмерной водой приходила горничная одной известной дамы. Дама была богата и молода, она рано осталась вдовой. Однажды горничная зашла в аптеку вместе со своей хозяйкой. Дама ласково оглядела Демида и сделала большую

покупку. Не прошло и недели, как она явилась снова. Через неделю – опять. Дама подолгу разговаривала с Демидом и очень его хвалила.

Как-то раз Мартынов пожаловался своей новой знакомой, о симпатиях которой он, конечно, догадался. Мартынов жаловался на своего хозяина, что тот его всячески притесняет и относится к нему, хуже, чем к собаке. На что дама всплеснула пухлыми ручками и предложила Мартынову содействие, в том числе предложила поступить к ней на службу и даже отправить его на обучение.

Демид тут же согласился и вскоре перебрался из аптеки в богатый особняк. Однако не прошло и года, как Мартынов заскучал. Человек он был деятельный, и ему хотелось поскорее приступить к исполнению своей мечты: заработать миллионы. К тому же он недавно успешно сдал экзамен на звание провизора. Дама, видя, что иначе его не удержать, предложила Демиду сосуду на то, чтобы выкупить аптеку у Галаха.

Так Демид Мартынов стал хозяином аптеки. Дела его шли неплохо. Однако не об этом мечтал Мартынов. Он мечтал о славе и об огромном состоянии. Демид прикидывал разные способы, как бы ему разбогатеть. Но у всех них был большой изъян: на осуществление планов требовались годы. Мартынов же хотел разбогатеть как можно скорее.

Перебрав в уме все возможные способы, он остановился на алхимии. Страсть к деньгам его настолько ослепила, что даже неудача за неудачей, которую он терпел в алхимии, не охладила его и не привела в чувство.

Между тем дела в аптеке шли хорошо. О Мартынове все чаще и чаще говорили в городе, у него появились новые знакомые и друзья, люди состоятельные и важные. В их числе был Степан Гаврилович Аладьев. Мартынов уважал его за то, что тот уже осуществил свою мечту и был баснословно богат.

Со временем Мартынов укрепился в Самаре, женился, у него родился сын. В городе его уважали. Он между тем продолжал свои изыскания: пытался превратить камень в золото.

Но тут случилось событие, которое потрясло всех жителей: Мартынов был найден мертвым в третьесортной гостинице. И что самое ужасное – это, несомненно, было убийство.

После того, как Демид Иванович умер, аптека досталась его сыну. Наследник в это время путешествовал. Узнав о смерти отца, он привез из Германии фармацевта и оставил его управлять аптекой. Немец был человеком аккуратным и исполнительным, однако не любил ничего нового, избегал экспериментов и делал ровно то, что было положено делать. Когда же немец умер, аптеку решили продать. И вот теперь она принадлежала Ренцу.

Сегодня к Ренцу уже заходило несколько человек с рецептами. За все утро он ни разу не присел. И вот сейчас, проводив последнего клиента, он наконец-то сел на свой высокий стул, чтобы немного отдохнуть. Именно в этот момент к нему зашла Аня. Они еще накануне сговаривались, что она поможет ему разбирать старые документы и счета, что аккуратно копил прежний управляющий.

Так как Ренц после плодотворного утра хотел тишины и спокойствия, то он отправил Аню вместе со своим помощником, что достался ему вместе с аптекой, в материальную комнату. В этой комнате хранились основные припасы, там же стоял письменный стол, где немец-управляющий вел документацию.

Аня любила возиться со старыми письмами, счетами и документами. Все они рассказывали какую-нибудь историю. Вот, например, старый рецепт на имя Петра Кириллова. Доктор выписывал ему бром в таком количестве, что хватило бы слону.

– Этот Кириллов пил бром ведрами, – сказал помощник провизора, увидев, что Анна рассматривает рецепт. – А все потому, что жена у него – сущий дьявол. Была бы у меня такая жена, я бы вообще застрелился.

– Вот как. Он и сейчас за бромом приходит? – спросила Аня.

– Он умер прошлой весной. А жена, поговаривают, снова замуж собирается. Так что вместо этого Кириллова скоро новый начнет ходить к нам.

До половины дня они вдвоем копались в старых бумагах. Выцветший коричневый секретер хранил в себе черт знает что. Там были какие-то архитектурные чертежи, бухгалтерские книги, счета, письма. И чем больше счетов проходило через Анины руки, тем больше она убеждалась, что аптекарское дело прибыльное. Стоит приложить небольшие усилия и можно жить вполне сносно.

Еще Аня заметила, что для каждого года было свое лекарство, которое особенно много покупали. Так, в один год были проданы тысячи склянок со средством от геморроя. В другой год – нашатырный спирт. В третий – рыбий жир.

– Все му виной мода, – пояснил помощник провизора. – Вот сейчас мода на позолоченные таблетки. А то была мода на лондонские капли. Так, мы весь год одни только капли стряпали.

Наконец, со счетами, что остались после немца, было покончено. Аня встала со стула, потянулась и уже хотела идти к Ренцу, как помощник достал из шкафа старый саквояж темно-зеленого цвета.

– Тут еще есть, – сказал он и протянул саквояж Анне.

Саквояж оказался легким.

– Там очень старые бумаги и письма. Еще со времен Мартынова. Может их сжечь? – спросил помощник.

– Что? Нет! – воскликнула Аня.

Она бережно поставила саквояж на стол и заглянула внутрь. Там лежали пожелтевшие и потемневшие от времени письма и бумаги.

«Вот так находка! Вот так удача! – думала Аня. – Письма алхимика Мартынова! Может, тут найдется его знаменитый рецепт».

Аня спросила разрешение у Ренца забрать саквояж и совершенно счастливая отправилась домой обедать.

Глава 5. Двадцать шесть лет назад

Дома ее ждали две новости. И ту и другую ей сообщила Зочка шепотом, когда Аня в передней снимала шляпку.

– Марк Васильевич решил совсем закрыть кондитерскую. Объявил об этом утром, как только вы ушли. У Ксении Павловны припадок. А Наталья Николаевна ругались громко.

– Наталья Николаевна дома?

– Полчаса как ушли гулять с господином Бланком. Нервы успокаивать.

– А Ксения Павловна?

– У себя, – совсем тихо прошептала Зочка. – Лежит и стонет.

– Что за вторая новость?

Тут лицо Зочки расплылось в улыбке, заиграли ямочки на щеках.

– Вот.

Она вытащила из складок платья конверт.

– Вам. От Евгения Евгеньевича Кожухова.

Аня не столько обрадовалась, сколько удивилась.

– Какое совпадение! Я вчера хотела ему писать и вдруг сегодня письмо.

Анна отправилась в свою комнату. В одной руке она держала саквояж, в другой – письмо от Кожухова. И то и другое представлялось ей бесценным сокровищем.

Сначала Аня открыла письмо от Кожухова. И прежде прочитала его быстро-быстро. Она пропускала слова и строчки, стараясь понять смысл. Поняв его, успокоилась и принялась читать второй раз, теперь неторопливо, останавливаясь на каждой фразе.

Письмо было в духе Кожухова: сухое и короткое. Смысл его сводился к следующему: Евгений Евгеньевич едет в Самару и будет на месте уже через две, максимум три, недели. Едет он по двум причинам. Во-первых, он узнал, что Аня выдала кредит на десять тысяч рублей какому-то прохвосту и Евгений Евгеньевич намерен разобраться с этим. Во-вторых, новый роман Анны требует, чтобы его отредактировали и будет лучше, если они сделают это вместе.

Сначала Аня разозлилась.

«Мои деньги! Я сама знаю, кому давать в долг, а кому – нет!»

Однако подумав еще немножко, Аня решила, что все-таки это хороший знак. Она чувствовала, что история с Марком еще только начинается и наверняка он захочет занять у нее еще и еще. И тут помощь Кожухова ей пригодится.

Аня отложила письмо Кожухова и теперь принялась за саквояж. В нем было несколько писем, адресованных Демиду Мартынову. Среди них – письма от Степана Аладьева.

– Определенно, сегодня у меня удачный день, – сказала Аня вслух.

Она разложила письма от Аладьева на столе. Их было восемь.

Кроме писем в саквояже лежали черновики Мартынова. Часть из них – письма, часть – формулы и рецепты. Аня разделила их на две стопки и тоже оставила на столе. Сама же отправилась в столовую, было время обеда.

В столовой она нашла Наталью Аладьеву и Николаса Бланка. Они сидела на маленьком кожаном диванчике и разговаривали в полголоса. Когда вошла Аня, они на секунду замолчали, но тут же снова принялись что-то обсуждать, только теперь уже шепотом.

Аня прошла по комнате. Выглянула в окно. Подошла к фортепиано, которое переехало сюда из гостиной, подняла и опустила его крышку. Поправила кончиком туфли задравшийся угол ковра и снова взглянула на тетку.

Та почувствовала ее взгляд и повернулась.

– Ну? Что ты ходишь? Иди сюда.

Аня подошла.

– У вас какие-то секреты? – спросила она.
– Секреты-секреты, – пробурчала Аладьева. – У нас, знаешь ли, теперь один секрет – долги Марка. Слышала? Он решил закрыть кондитерскую.
– Может, оно и хорошо? – спросила Аня.
– Но ему нечем расплатиться с кредиторами! – возмутилась Аладьева.
– Тетушка, пусть он уже сам думает, как ему быть.
– Милая моя, добрая Анечка, нечем ему думать. Ах, дурак! Весь в отца! И кончит также, – сказала Аладьева и махнула рукой, давая понять, что вести об этом разговор теперь уже нет никакого смысла.

Однако Аня, которая совсем ничего не знала об отце Марка, кроме слухов и сплетен, спросила:

– А что с его отцом? Наталья Николаевна, расскажи!
– Он аферист и бездельник! Что тут рассказывать.

На словах «аферист и бездельник» в комнату вошла Ксения Павловна. Она тотчас приняла эти слова на счет Марка и от того сделалась еще печальнее, хотя казалось, что печальнее некуда.

– Ксения Павловна, мы не о Марке говорим, – пояснила ей Аладьева.

– А? – рассеянно спросила Ксения Павловна, притворившись, будто не поняла слов Аладьевой.

– Мы про отца Марка вспомнили. Вот Анечка просит рассказать. А у меня прямо-таки язык не поворачивается, – сказала Аладьева.

Выражение лица у Ксении Павловны тут же изменилось. Из несчастного и печального она сделалось ядовитым. Она усмехнулась и хотела что-то сказать, но в столовую вошла Луиза, и Ксения Павловна промолчала.

– Где же Якоб Иванович? – спросила Аладьева.

– Он сегодня весь в работе. Дела идут необыкновенно хорошо. Только за сегодняшнее утро я насчитала больше десяти посетителей, – Луиза говорила радостно и торопливо.

– Что ж, тогда будем садиться. Ждать больше некого.

Однако как только все расселись за длинным столом, покрытым белоснежной скатертью, за дверью послышались быстрые шаги и в комнату вошел Марк.

По его поспешным движениям, по тому, как он неловко отодвигал стул, чтобы занять место за столом, было понятно, что Марк волнуется. И чтобы скрыть это, он сейчас же начал что-то рассказывать.

«Все-таки жалко его, – подумала Аня. – Отчего же его всегда жалко?»

Видно, что похожее чувство разделяли остальные. Над шуткой Марка громко посмеялись, а после принялись говорить наперебой, лишь бы скрыть неловкость.

Когда все темы иссякли, и за столом стало тихо, положение спасла Аня. Она рассказала о том, что нашла письма Степана Аладьева, которые он более двадцати шести лет назад писал Демиду Мартынову. Тема пришлась по вкусу, и до конца обеда все разговоры были только о старом купце и аптекаре-алхимике.

– Значит, они дружили? – спросила Аня.

– Если коротко говорить, то они очень дружили, – ответила Наталья Аладьева. – Вообще, Степан Гаврилович был человек подозрительный, никого близко к себе не подпускал, а вот с Мартыновым дружил.

– О чем же письма? – спросил Марк.

– Я не успела прочесть. Сразу после обеда возьмусь за них.

– Между прочим, именно Демид Мартынов был душеприказчиком по завещанию Степана Аладьева. Он-то первый и обнаружил пропажу сокровищ, – объяснила Аладьева.

– Вот как! – воскликнула Анна. – А кто еще знал о завещании?

– Мой брат Генрих знал, – сказал Бланк. – Он был нотариусом.

– Василий Степанович – мой благоверный муж – тоже знал о завещании и о том, что старый Аладьев перевел все средства в драгоценные камни, – вступила в разговор Ксения Павловна.

– Интересно, – прошептал Марк.

– Да, Степан Гаврилович все ему рассказал и пригрозил, что если Василий не возьмется за ум, то останется без наследства, – сказала Ксения Павловна.

Она помолчала и добавила:

– Но, как всем известно, Василий Степанович, так и не взялся за ум.

«Что с этим Василием Степановичем? За что все его ругают?» – подумала Аня, но не решилась задать вопрос.

– Как же выяснилось, что сокровища пропали? – спросил Марк.

– Ключ от сейфа, в котором лежали драгоценности, висел на шее старика Аладьева. Цепочку с ключом он никогда не снимал, даже когда ходил в баню, – сказала Ксения Павловна. – В день смерти этот ключ с покойника снял Демид Мартынов. Он открыл сейф в присутствии всей семьи и нотариуса. Я тоже там была. Но только сейф был пустой.

– Может, не было никаких сокровищ? – спросила Луиза, которая до сих пор молчала и только внимательно слушала.

– Сокровища были, – ответил Бланк. – Мой брат видел их собственными глазами. Видел их и Демид Мартынов.

– А что случилось с Мартыновым? – спросила Аня. – Я слышала, что его убили.

– Да, грязная история. Демиду Ивановича нашли мертвым в одной сомнительной гостинице. Причем вскрытие показало, что его сначала опоили снотворным, а затем задушили. В гостинице он встречался с женщиной. Никто не видел ее лица, и найти женщину не смогли, – рассказал Бланк. – Что примечательно, незадолго до этого убили моего брата Генриха.

– Что? – Аня подскочила на своем стуле. – Убили? Кто?

– Не знаю, – ответил Бланк с горечью в голосе. – Генрих был добряком, все его любили. Его нотариальная контора находилась на первом этаже нашего дома. Он всегда засиживался допоздна, отпускал помощника и писаря, а сам подолгу разбирал документы. Любил все делать медленно и аккуратно. Однажды я услышал выстрел. Сбежал вниз, в его контору, и увидел, что брат лежит на полу. Ему выстрелили прямо в голову.

– Боже мой! – прошептала Аня.

– Что примечательно, Генрих всегда закрывал входную дверь, когда оставался один. А в этот раз дверь была открыта. Полиция считала, что Генриха убил кто-то, кого он знал и кого сам впустил. Одно время даже подозревали меня, – сказал Бланк.

– Нонсенс! – крикнула Аладьева.

– Преступника не нашли? – спросила Аня.

– Не нашли, – подтвердил Бланк.

– Правильно ли я все понял? – начал Марк. – Старик Аладьев на все свои сбережения покупает драгоценные камни. Об этом знают только нотариус Генрих Бланк, аптекарь Демид Мартынов и мой отец Василий Степанович Аладьев. Старик умирает, сокровища исчезают. Вскоре убивают нотариуса, а затем аптекаря. А мой отец бросает свою семью и уезжает с любовницей в Баден-Баден. Все верно?

– Марк! – воскликнула Ксения Павловна.

– В целом, верно, – подтвердил Бланк.

На этом разговор о старике Аладьеве зачах и вскоре почти все разошлись. Бланк отправился домой, Луиза – к себе в комнату, а Аладьева, взяв Ксению Павловну под руку, увела ее в библиотеку. В столовой остались Аня и Марк.

Они заняли место на диване, где час назад сидели Аладьева и Бланк. Разговор шел о пустяках.

– Какой жаркий выдался май в этом году, – сказала Аня. – Знаете, я очень люблю май. Особенно, когда цветет сирень.

– А я, напротив, не люблю это время, – признался Марк.

– Отчего? Все любят май!

– Я не люблю.

Они помолчали. Аня прислушалась: в доме было так тихо, словно кроме них никого больше не было.

– Я не люблю май, потому что каждую весну, когда заканчивались занятия в гимназии, нужно было возвращаться к матери, – пояснял Марк.

– Что же в этом плохого? Я думала, вы любите свою мать.

– Да, но возвращаться домой, где все разговоры были только о том, как она несчастна и как много она для меня делает, и какие надежды она на меня возлагает... Словом... Анна Александровна, вы понимаете меня? Не знаю, как это лучше объяснить. Все эти ее надежды так тяготили меня и тяготят по сей день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.